

блема недобросовестных корпоративных захватов в настоящее время приобретает все большую масштабность и, как следствие, актуальность. Обозначенные проблемы вызывают необходимость адекватного законодательного реагирования. Это отмечено и в Концепции развития корпоративного законодательства на период до 2008 г., одним из направлений которого названо совершенствование законодательства в целях предотвращения и пресечения недобросовестных корпоративных захватов⁸.

Такое совершенствование видится не просто в установлении двух-трех законодательных препонов на пути недружественных поглощений, а в разработке системы норм, направленной на предотвращение и разрешение корпоративных конфликтов. Целям пресечения процессуальных злоупотреблений могло бы служить рассмотрение дел, вытекающих из корпоративных споров, по правилам, отличным от искового производства, с учетом характера и специфики взаимоотношений спорящих сторон.

¹ Лаптев В.А. Понятие и виды корпоративного поглощения. Неза-

конный корпоративный захват // Корпоративные споры № 3, май-июнь 2006 г.

² Марков П.А. Социальная сущность недружественного поглощения // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 2. – С. 426-427.

³ Подробнее о теоретических аспектах категории «злоупотребление правом» см.: Тарасенко Ю.А. Злоупотребление правом // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.02 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012 (с последующими изменениями).

⁵ Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.02 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. – № 46. – Ст. 4532 (с последующими изменениями).

⁶ Рожкова М.А. Совершенствование порядка рассмотрения дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организации // Корпорации и учреждения: Сб. статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007.

⁷ Чернышев Г. Корпоративные конфликты. Что делать? // ЭЖ-Юрист. – 2004. – № 43.

⁸ С текстом концепции можно ознакомиться на официальном сайте МЭРТ: www.economy.gov.ru (раздел «Законодательство/Проекты законов»).

О.В. Скоробогатова

ГАРАНТИРОВАННОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ (на примере деятельности уполномоченного по правам человека)

*Development of the human rights institute in the Russian
Far East.*

В соответствии с действующим российским законодательством и международными соглашениями, участницей которой является Россия, лицу, оказавшемуся в местах лишения свободы, должны быть предоставлены достойные условия содержания и обеспечены основные гражданские, социальные и культурные права: на жизнь, личную безопасность, свободу от пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения, на медицинскую помощь и судебную защиту.

В последнее время пенитенциальная система России претерпевает значительные изменения, направленные на расширение прав арестованных и осужденных, гуманизацию условий содержания под стражей и отбывания наказания. В этих целях вносились не только многочисленные изменения в Уголовно-исполнительный кодекс РФ, но и приняты в 2006 г. в новой редакции Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Однако чем совершеннее становятся российские и международные стандарты обеспечения прав арестованных и осужденных, тем заметнее, что осужденного практического сдвига к улучшению в этой сфере пока не произошло. Почта уполномоченного по правам человека свидетельствует о том, что права арестованных и осужденных в российских пенитенциарных учреждениях по-прежнему нарушаются. Так, в частности, жалобы поступают на необоснованное применение физической силы и спецсредств, а также на то, что условия содержания указанных лиц не соответствуют нормам. Об этих фактах сигнализировали как сами осужденные, так и представители общественности.

В настоящее время на контроле у Уполномоченного по правам человека РФ находится обращение правозащитных организаций Смоленска. Большое количество жалоб поступает из Архангельской области, Самарской области, Курской области¹. В январе 2008 г. поступили жалобы от осужденных, отбывающих наказание в ИК-5 (пос. Тахтамыгда) в Амурской области о применении спецсредств и недозволенных методов воздействия. По этому факту про-

водилась прокурорская проверка, и действия сотрудников УФСИН признаны законными.

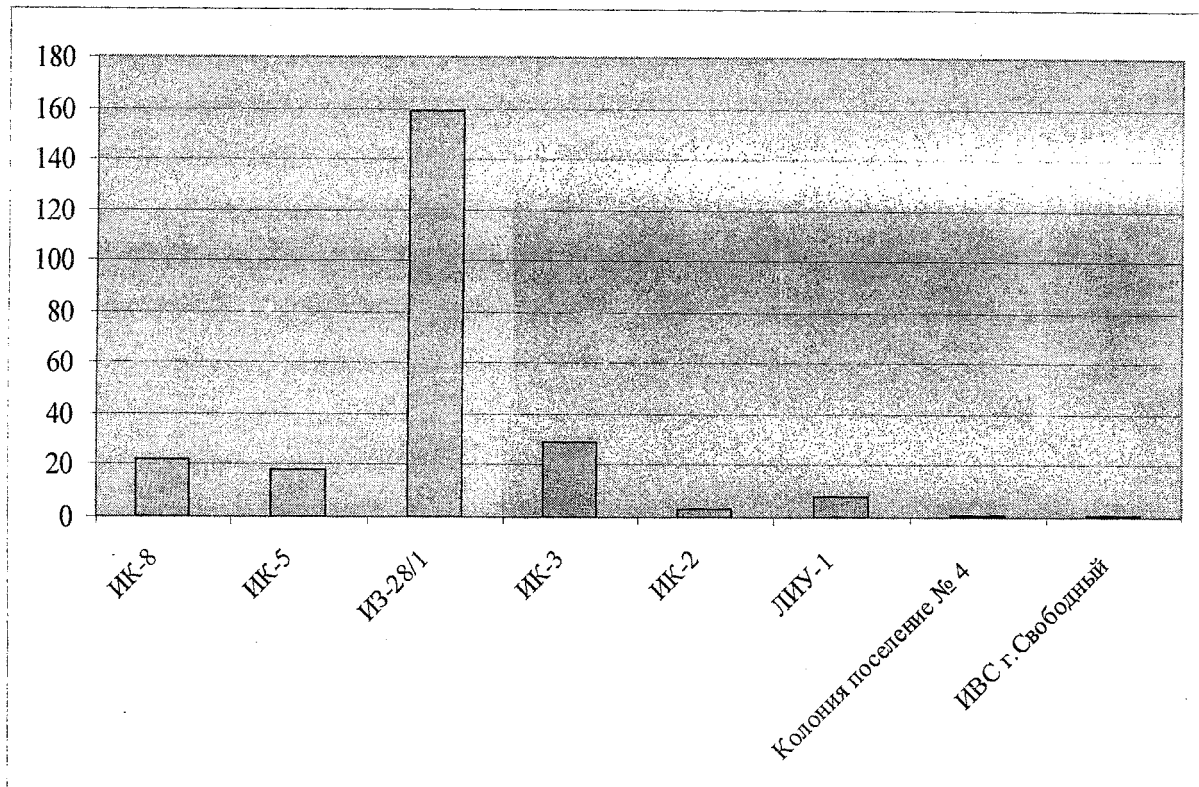
Следует подчеркнуть, что такая тревожная картина объясняется не только плохим исполнением сотрудниками уголовно-исполнительной системы своих должностных обязанностей, но и крайне медленным изменением самих принципов, на которых эта система строится. Уголовная политика государства не нацелена на внедрение альтернативных лишения свободы мер наказания. В России в следственных изоляторах и исправительных учреждениях содержится 1 млн. 100 тыс. человек, в то время как существующая система этих учреждений рассчитана на 700 тыс. человек².

В настоящее время Россия занимает первое место в мире по численности заключенных на душу населения, поэтому переполненность мест лишения свободы – одна из наиболее острых проблем нашей страны³.

В сложившейся ситуации для создания нормальных условий содержания и защиты прав осужденных к лишению свободы в первую очередь необходимо изменить карательную политику государства. Еще в 1980 г. VI конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями принял резолюцию № 8, рекомендуя странам – членам ООН – расширить применение альтернативных тюремному заключению санкций и проводить интенсивный поиск новых видов альтернативных наказаний. Однако в России альтернативные меры наказания применяются крайне редко. Именно поэтому численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы, остается неоправданно высокой.

Одна из фундаментальных причин неудовлетворительного положения в области обеспечения прав задержанных и осужденных – отсутствие эффективного механизма общественного контроля над уголовно-исполнительной системой. Проект закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии общественных объединений их деятельности, пройдя первое чтение в Государственной думе, так и остался законопроектом. В частности, в 2007 г. свои предложения по этому законопроекту представил Уполномоченный по правам человека в РФ.

Не снижается количество обращений к Уполномоченному по вопросам нарушения права задержанных и осужденных на достойные условия содержания. На неудовлетворительные условия содержания поступали жалобы осужденных из отдельных учреждений УФСИН России по Северо-Западному федеральному округу, в частности из исправительного учреждения ИК-18 г. Мурманши Мурманской области. По результатам прокурорской проверки

География письменных обращений, поступивших из учреждений управления Федеральной службы исполнения наказаний по Амурской области.

должностные лица колонии, допустившие нарушения прав осужденных, привлечены к дисциплинарной ответственности⁴. В Амурской области за последние шесть месяцев численность таких жалоб снизилась.

Европейские пенитенциарные правила 2006 г. рекомендуют направлять заключенных для отбывания наказания в учреждения, расположенные вблизи их дома или мест социальной реабилитации. К сожалению, изменения, внесенные в действующий уголовно-исполнительное законодательство нашей страны, не позволяют значительной части осужденных отбывать срок наказания на разумном удалении от места их постоянного проживания и сохранять социально полезные связи со своей семьей и обществом.

В соответствии с ч. 1 ст. 73 Уголовно-исполнительного кодекса РФ «осужденный к лишению свободы отбывает наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором проживал или был осужден». Одновременно оговаривались разумные условия, при которых осужденных могли направлять в исправительные учреждения «другого ближайшего субъекта РФ», — например, если там, где живет или осужден человек, нет подходящего исправительного учреждения или такие учреждения переполнены.

Однако в 2007 г. была внесена поправка в УИК, изменившая суть такой нормы. Теперь речь идет о вынужденном направлении осужденного не в «другой ближайший», а просто в «другой» субъект РФ. С учетом огромных размеров нашей страны указанная поправка позволяет направлять осужденных для отбывания наказания за тысячи километров от дома, что конечно, нарушает их право на поддержание связей с семьей и на социальную реабилитацию. В свою очередь, ФСИН России, к сожалению, предоставленными возможностями пользуется весьма широко, в почте уполномоченного по правам человека в субъекте РФ имеются такие примеры.

По-прежнему поступают к уполномоченному по правам человека жалобы по вопросам медико-санитарного

обеспечения осужденных. Сложившаяся во ФСИН России система медико-санитарного обеспечения осужденных, по сути дела, оторвана от общей системы здравоохранения страны, что не позволяет в должной мере обеспечить право осужденных на охрану здоровья.

Одна из серьезных проблем состоит в том, что медицинская служба уголовно-исполнительной системы находится вне сферы медицинского контроля по линии профильного ведомства — Минздравсоцразвития России. Находясь в прямом подчинении руководителей исправительных учреждений, медицинские работники уголовно-исполнительной системы сталкиваются с трудностями при выполнении возложенных на них задач по охране здоровья осужденных.

После выхода приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ и Министерства юстиции РФ от 17.10.05 № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» взяло на себя ответственность за состояние дел с медицинским обеспечением в уголовно-исполнительной системе. Однако на деле в этом министерстве пока нет структурного подразделения, курирующего медицинскую службу уголовно-исполнительной системы.

К сказанному следует добавить, что на лекарственное обеспечение осужденных выделяется недостаточно ассигнований. Так, в 2006 г. на лекарственное обеспечение одного осужденного было выделено 1063 руб., а 2007 г. на те же цели — 1216 руб.⁵. Руководители медицинских служб как в центре, так и на местах вынуждены заниматься распределением таких скудных средств.

Следует отметить, что это не весь перечень обращений, поступающих к уполномоченному по правам человека из мест лишения свободы, однако приведенная выше схема свидетельствует, что в исправительных учреждениях сохраняется ситуация, характеризующаяся социально-психологической напряженностью, снижением уровня

продовольственного и медико-санитарного обеспечения, нарушениями прав человека.

В заключение хотелось бы отметить, что одним из итогов совместной работы управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Амурской области и аппарата уполномоченного по правам человека является подписание в 2006 г. Положения о представителе уполномоченного в учреждениях управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Амурской области.

Согласно этому Положению представитель уполномоченного в учреждениях уголовно-исполнительной системы России по Амурской области осуществляет контроль за обеспечением прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых, осужденных граждан, предусмотрен-

ных Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, федеральным законодательством.

В настоящее время работа по формированию системы представителей уполномоченного по правам человека в учреждениях исполнения наказаний Амурской области завершена. Общественные представители назначены во все шесть исправительных учреждений.

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека РФ В. Лукина.

² Доклад уполномоченного по правам человека Татарстана Р.Г. Вагизова.

³ Там же.

⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека РФ В. Лукина.

⁵ Там же.

Е.И. Надеяева

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ИСТОРИИ РОССИИ

The pointed article contains the conception of medical crime in history and modern legislation. Besides this article reflects the difficulties of criminal assessment of medical work.

Место, которое занимают отношения по охране здоровья граждан в социально-экономической жизни современных государств, предопределяет важность их правового регулирования. Нормы права, действующие в этой сфере, отличаются большой спецификой, поскольку регулируют чрезвычайно сложные отношения, субъектами которых являются государство, граждане, различного рода учреждения и организации.

История отечественного права знает немало предписаний, касающихся охраны здоровья людей.

В допетровской Руси врачевание приравнивалось к «волхованию и чародейству». Закон еще не отделял умысла от неосторожности, и за вред, причиненный неправильным лечением, врач нес безусловную ответственность, так как неуспех в лечении приписывался незнанию или умыслу. Врачи-иностранцы, приезжавшие в Россию из Западной Европы, занимались лечением совершенно бесконтрольно. Однако в ряде случаев эти врачи за причинение смерти подвергались высылке из России или даже более серьезным наказаниям.

Таким образом, ответственность врачей за вред, причиненный неправильным лечением, и ее правовая регламентация в разные периоды были подвержены существенным изменениям.

Так, законодательная политика царского правительства с учетом западного опыта была направлена на укрепление в России частной врачебной практики, основанной на коммерческом договоре между врачом и больным. В Уложении о наказаниях (1885 г.) предусматривалось за явные и серьезные врачебные ошибки запрещение заниматься практикой, а за смерть больного и причинение важного вреда его здоровью – церковное покаяние. В ст. 870 Уложения о наказаниях следующим образом определялась ответственность врачей и других лиц медицинского персонала за дефекты в лечении: «Когда медицинским начальством будет признано, что врач, оператор, акушер или повивальная бабка, по незнанию своего искусства, делают явные, более или менее важные, в оном ошибки, то им воспрещается практика, доколе они не выдержат нового испытания и не получат свидетельства в надлежащем знании своего дела. Если от неправильного лечения последует кому-либо смерть или важный здоровью вред, то виновный, буде он христианин, передается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства».

По Уставу уголовного судопроизводства врачебные дела подлежали после предварительного следствия оценке и заключению врачебной управы или Медицинского совета. Неосторожные действия врачей, например, попадали под усмотрение медицинских начальников, чем создавалась особая врачебная корпорация, представители которой обладали фактически административными гарантиями в случае привлечения их к судебной ответственности.

Таким образом, Уложение о наказаниях 1885 г., Уголовное уложение 1903 г. предусматривали за профессиональные упущения не уголовные санкции, а меры административного и нравственного порядка.

Дореволюционное русское законодательство выделяло как особый, самостоятельный вид нарушения медицинскими работниками профессиональных обязанностей – ошибку по незнанию, являющуюся не уголовно наказуемым деянием, а административным проступком (ст. 872, 1522 Уложения о наказаниях).

Причинение вреда пациенту в результате неосторожного врачевания, не содержащего этого признака, – «незнание» – оценивалось на общих основаниях по другим нормам Уложения.

Поэтому большое значение придавалось определению причины, обусловившей неправильное врачевание, что явилось функцией судебно-медицинской экспертизы. Указанные особенности лежали в основе и теоретической мысли того периода, идущей по пути дальнейшего дифференцирования видов неосторожных действий врача. Предлагалось, в частности, различать профессиональную неосторожность врача, относящуюся к самому методу лечения, и обычную неосторожность как оплошность в выполнении чисто технических действий (перепутал лекарство, нанес по неловкости ранение). По мнению сторонников этой точки зрения, ответственность врача наступает только за обыкновенную оплошность или небрежность¹.

В первые годы существования Советского государства на формирование различных и порой противоположных взглядов по этим вопросам оказывали определенное влияние теоретические концепции и судебная практика дореволюционной России. При становлении новых социально-экономических отношений вместе с другими проблемами социалистического права возникла и проблема ответственности медицинских работников за нарушение профессиональных обязанностей, став предметом активного обсуждения.

В период действия УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. наша судебная практика шла по пути квалификации фактов преступно-ненадлежащего оказания медицинской помощи по статьям о должностных преступлениях².

Принятый в 1922 г. УК РСФСР предусмотрел наказание за отказ медицинского работника в оказании меди-